

kterých obecnějších otázek diskusního charakteru, které namnoze souvisí s různou tradicí slavistické práce sovětské a české. Nijak nehodlají snižovat dobrou úroveň spisu, který jistě poslouží dobře jako praktická učební pomůcka, spolehlivé a přehledně podávající základní poučení o staré ruštině.

Radoslav Večerka

Видоески Божо: Кумановскиот говор, Институт за македонски јазик, Скопје, 1962, 343 стр.

Вопросом классификации македонских диалектов занимались более или менее до сих пор изданные труды из области македонской диалектологии (напр. А. Белич, А. М. Селингов и многие другие). Их систематическое изучение, однако, развернулось в последнем двадцатилетии в Македонской Социалистической Республике в Скопье. Большой вклад, бесспорно, в их изучение и классификацию внесли труды сотрудника Института македонского языка Божо Видоеского, который постепенно проанализировал отдельные диалекты (напр. диалект Поречья, Кратовский диалект, диалект Кривой Паланки и др.) и издал их в отдельных монографиях или объемных статьях (см. напр. его теоретические статьи *Основни дијалектни групи во Македонија*, сп. Македонски јазик, год. XI—XII, кн. 1—2, 1960/61, 13—31, и *Македонските дијалекти во светлината на лингвистичката географија*, Мј, година XIII—XIV, кн. 1—2, 1962/63, 87—108 и др.). Уже в 1954 году Видоески дал общий обзор северных македонских диалектов (Мј, кн. 1, 1954, 1—30, кн. 2, 109—198), где также говорит о важнейших особенностях Кумановско-кратовской диалектной группы.

В своем многолетнем монографическом труде о Кумановском диалекте Видоески рассматривает отличительные особенности диалекта кумановской области и дает его подробную и научно обоснованную характеристику. Хотя генетически кумановский диалект связан с сербскими южно-моравскими диалектами (А. Белич, например, в прошлом неправильно включал его целиком в эту группу), есть в нем целый ряд особенностей, связывающих его также с северо-восточными македонскими диалектами, ибо находится на стыке трех географическо-лингвистических групп.

Анализируя его фонетику, систему гласных и согласных, сопоставляя их с системой гласных и согласных в литературном языке, автор говорит о специфической артикуляции отдельных гласных (в частности Е, О) под ударением. По Видоескому эти гласные образуют какие-то дифтонгические звуки более открытого типа ê*, ô*. Далее Видоески изучает систему акцентации, морфологию отдельных частей речи, лексику и фразеологию и приходит к выводу, что кумановский диалект никогда не потерял связи с остальной македонской языковой территорией и в частности с территориально ему близкими восточными македонскими диалектами.

На основе отдельных особенностей Видоески говорит об изоглоссах, идущих с востока на запад, о сходных чертах, связывающих кумановский диалект с окружающими его диалектными группами — прежде всего на востоке с диалектами Кратова и Кривой Паланки, на юго-западе с диалектом области Скопье и на севере с прирезвско — южно-моравскими диалектами.

Интересны и ценны наблюдения Видоеского над глагольными формами и его констатации о сложных формах с „имам/нема“ типа *factum habeo, casus sum*, с которым можно встретиться на всей территории кумановского диалекта. Видоеским записанные конструкции применяют люди молодого и среднего возраста, на основе чего автор приходит, на наш взгляд, к правильному заключению, что эта конъюгация с „имам“ на этой территории появилась гораздо позже.

Принимая во внимание существующие глагольные формы с „имам“ также в некоторых других македонских диалектах, можно, по-моему, говорить о несостоятельности утверждений некоторых ученых, что тип *factum habeo* и *casus sum* развились под влиянием романских языков. Имеющиеся материалы из области македонской диалектологии свидетельствуют в пользу отрицания таких утверждений.

Обстоятельные исследования в области употребления глагольных форм в македонских диалектах внесут, несомненно, вклад в объяснение ряда до сих пор спорных вопросов. Известно, что в некоторых македонских диалектах, в том числе и центральных, вошедших в основу македонского литературного языка, нельзя применить формы настоящего времени глагола совершенного вида без союзных АКО и ДА. В кумановском

диалекте и вообще в северно-восточных и восточных македонских диалектах перфект настоящего времени глагола широко распространен и в сложноподчиненных и в сложносочиненных предложениях. В центральных македонских диалектах в таких случаях употребляются формы аориста.

Видоески обстоятельно анализирует все глагольные времена и формы и сопоставляет их с центральными и западными македонскими диалектами.

В конце своего исследования Видоески дает на 69 страницах записанные им тексты и указатель слов.

„*Кумановскиот говор*“ Б. Видоеского вносит большой вклад в изучение македонских диалектов и тем самым дает славистам разных стран возможность познакомиться с ними более подробно.

Иван А. Доровский

Kiril Mirčev: Balgarskijat ezik prez vekovete. Sofija, Nauka i izkustvo 1964. 86 s.

V recenzované publikaci známý historik bulharštiny prof. K. Mirčev podává přehled vývojových tendencí bulharského jazyka, základy historické mluvnice i dějin spisovného jazyka. Dostí značnou pozornost věnuje autor výkladu o přímých, nepřímých i domnělých souvislostech bulharštiny s ostatními balkánskými jazyky, živými i vymřelými. Publikace je pro slavisty velmi užitečná.

Je třeba vyzvednout její proporcionální výstavbu a přihlížení k nejnovějším výsledkům nejen bulharské, nýbrž i cizí vědy. I když drobnější práce nemůže jít všude do podrobnosti, snaží se její autor o výklad dějin jazyka a o co nejkonkrétnější aplikaci zásad marxistické metody na danou problematiku. Neškodilo by u některých otázek, jako původ cyrilice, vliv prabulharštiny na jazyk Slovanů aj., uvést některé názorové difference; k nim ovšem jinak prof. Mirčev přihlíží. To se týká zvláště výkladu o vzniku bulharského členu. V souhlasu s výsledky bádání prof. Kurze, výsledky toponymie i studia materiálu starších bulharských památek v poslední době prof. Mirčev tvrdí, že v soluňském dialektu v 9.—10. století ještě člen nebyl — a proto není ani v staroslověnských památkách —, avšak jsou tu již podmínky pro jeho pozdější vznik a člen se objevuje v 10. století v jiných, zvláště severovýchodních dialektech. Člen musel vzniknout dříve, než zanikla syntetická deklinace; o tom svědčí zachované reliktky skloňování členu v rodopských a serovezápadních dialektech. — Pokud jde o tzv. balkanismy, zahrnuje prof. Mirčev v podstatě substrátovou teorii a tvrdí, že tyto jevy vznikly působením společných podmínek za vzájemných vlivů systémem jednoho jazyka na systém druhého jazyka. Každý systém se pak vyvíjel podle vnitřních zákonitostí. Tento výklad, ač by se dnes zdál samozřejmým, musel být v bulharské jazykovědě dost praoně probojován a má ještě své odpůrce.

Autor se nevyvaroval některých nepřesností. Zejména bude třeba dalším bádáním ověřit správnost či nesprávnost předpokladu, tvrzeného na s. 16, 19, 51, 57 aj., že novobulharská mluvnická struktura byla v podstatě vybudována již koncem 14. století. Snad to platí o deklinaci, ale u konjugace je nutno předpokládat, že zejména formy nepřímé výpovědi se rozvinuly mnohem později než od 14. století, jak tvrdí autor. Jazykový rozbor památek z 19. století a folklórních památek totiž ukazuje, že tato kategorie se upevňuje teprve v poslední době. O tom též svědčí výměna názoru na stránkách časopisu *Balgarski ezik*, roč. 12, 1962, s. 84—99. — Nepřesné je i tvrzení, že změna staroslověnské konstrukce „estъ bogъ na nebeschъ“ v novobulharskou „ima bog na nebesata“ proběhla jen v bulharštině a ne v jiných slovanských jazycích; tuto konstrukci známe ze spisovné srbochárvátštiny, polštiny a její obměny i z českých dialektů.

Popsané dílčí výhrady však nemohou narušit celkové kladné hodnocení publikace, která je slavistice přínosem.

Vladimír Šaur

Gabriele Schieb und Theodor Frings: Enelde I. Einleitung. Text (Deutsche Texte des Mittelalters, Band LVIII). Akademie-Verlag Berlin 1964, S. CIX+949.

Nicht ohne Rührung liest man im Vorwort zur kritischen Ausgabe des Servatius (Die epischen Werke des Henric van Veldeken I. Sente Servas — Sanctus Servatius. Kritisch herausgegeben von Theodor Frings und Gabriele Schieb. Mit einer Karte. — VEB Max Niemeyer Verlag Halle 1956, S. LVI + 307) über das Schicksal der Vorarbeiten, an denen sich in Bonn Karl Meisen,